

Наш разговор с Вией Артамне не оказался легким. Поначалу она вообще отказывалась: о чем говорить! «Я не снимаюсь да и вообще как-то отошла от дел».

О чем говорить? О творчестве, отвечала я, ведь творчество-то не кончается ни с одной ролью. Тем более что как раз недавно Артамне снялась в двух фильмах — «Человек свиты» и «Спасенному — рай». Вот с разговора об этих двух последних работах и начался наш разговор. Происходил он в стенах родного для актрисы Театра имени Райниса, с которым связана вся ее жизнь. Хотя широкому зрителю эта ее основная работа совсем не знакома.

Я спросила ее, как получилось, что она попала на главную роль в фильме Киностудии имени Горького «Спасенному — рай»? Ведь до сих пор Артамне, если снималась на центральных студиях, то это всегда были иностранки. Даже Екатерина II, которую она играла в «Емельяне Пугачеве», — хоть и русская царица, но ведь немка. А здесь самая обыкновенная русская женщина, бывшая военная летчица.

— Как получилось? Ну об этом, наверное, надо спрашивать не меня, а режиссера. Картина, между прочим, сначала называлась «Долететь до своих».

— Хорошее название.

— Да, так вот, как я попала на роль. Наверное, режиссеру Г. Николаенко захотелось придать этой роли некоторый особый, непривычный оттенок — ведь моя героиня в картине своего рода пришелец, чужак: вдруг возникает в судьбе главного героя неизвестно откуда, из другой жизни. Она спасла его в годы войны, когда тот был совсем мальчишкой.

Я не знаю, что сказать о картине в целом, но работать над ролью мне было интересно. Эта героиня — она действительно в прошлом летчица, отважная девушка. Совершала подвиги. А что с ней стало, что она сегодня способна передать молодежи? Так вот, оказывается, она живет только в своем выдуманном мире. И судит людей с этой точки зрения.

— Нет, мне кажется, вы не правы. Она справедливая, честная.

— Да, это так. Но справедливая — с чьей точки зрения? Вот она приехала в город, где живет «спасенный», ставший уже совершенно зрелым человеком — он учитель. Да, быть может, он не так прожил свою жизнь, мог бы добиться большего, стать не учителем, а ученым. Все это так. Но кто дал ей право судить? То, что она спасла? Но ведь вроде бы, помогая герою или стремясь помочь, она вмешивается в его жизнь и при этом не в состоянии что-либо в ней изменить, только высвечивает ее, что ли, несостоятельность, неудачливость. Зачем?

У меня к ней критическое отношение. Поэтому, я думаю, меня и выбрали на роль. Надо было подчеркнуть какую-то другую грань, она хочет доброты на свой лад.

Любой образ ты пропускаешь через себя, через свою личность. А новая роль — для меня новая краска в моем творчестве, я на таких ролях учусь разнообразию, свободе мышления. И в творчестве необходимо своего рода нахальство, в хорошем смысле слова: надо попробовать все. А такого характера героини у меня еще не было.

— Теперь мне хотелось бы поговорить о «Человеке свиты». Я лично считаю, что роль Аглаи, сыгранная вами, — лучшая ваша работа в кино, самая зрелая, самая тонкая...

— Я очень рада, что вы об этом сказали. Потому что фильм режиссера Андриаса Розенберга совсем не пользовался успехом у зрителя.

— Об этом можно было догадаться заранее — он слишком тонок для грубого искусства экрана. Но вот вы лично,

что бы вы предпочли, если бы вам можно было выбирать — фильм сложный, но не зрительский, или фильм зрелищный, коммерческий?

— Вы знаете, как-то уже очень давно в Москве, на Международном фестивале, был показан японский фильм «Голый остров». На мой взгляд, это было потрясение. Но потом он у нас в Риге шел при пустых залах. И это у нас, где многие хвастают своим пони-

Вия Артамне:

Соб. культура - 1989 -
8 марта - с 4

«МИСС ОЧАРОВАНИЕ» НА УЛИЦЕ ПОПЕРЕЧНОЙ

нием искусства. Или вот другой пример: у нас в театре шли «Варвары» по Горькому, поверьте, это был хороший спектакль, он продержался 14 лет, но мы его давали раза по два в год и с трудом заполняли зал.

Теперь, если вернуться к «Человеку свиты», вы знаете, что это экранизация Владимира Маканина, известного русского прозаика, вещь, написанная, кстати сказать, за шесть лет до перестройки. И вот я говорю: мы сейчас у нас в республике переживаем такой бурный процесс перемен, но где же об этом произведении в латышском кино, литературе, драматургии? Нет таких произведений — ну разве кроме документального кино.

В рассказе, или маленькой повести, Маканина, есть та мера художественности, которая делает ее социальным обобщением, равно переносим ситуации в любое национальное состояние. Вот что дорого. Наши критики, наши искусствоведы явно перестарались в строгости к этому фильму. Я патриот своей страны, республики, но если есть прекрасное у писателя другого народа, такое, что мне в творчестве может помочь говорить о сегодняшней жизни, то почему я должна от этого отказываться?

Кстати, еще раз об Аглае и «Человеке свиты». У меня не так уж много друзей среди режиссеров: не хочется, чтобы кто-то говорил о работе по знакомству. Так, мы никогда особенно не были близки с Дзидрой Ритенберг. Я актриса не ее плана, у нее другой тип исполнителей, и в работе с ней никогда не встречалась. И вдруг однажды звонок. Она так и сказала: «Я тебе никогда не звонила. И, кроме того, признаться, думала, что ты уже никого и ничем не удивишь. Столько уже было ролей, столько тонов, столько красок. Но ты знаешь, я была просто поражена, посмотрев «Человека свиты», — это совершенно новый подход. Человек жалкий и противный — эта твоя Аглая». Так сказала мне актриса и режиссер; человек, который не берет в рассуждение —

чей это роман, рассказ, а говорит о качестве работы.

— Вия Фрицевна, мне бы хотелось поговорить вот о чем. Когда-то у нас на центральных студиях очень много снимались прибалтийские актеры, была своего рода такая мода. Мне даже пришлось как-то на эту тему говорить с Василием Макаровичем Шукшиным. Но теперь, вы заметили, эта мода пошла на убыль. Как вы думаете, почему?

— Во-первых, я думаю, когда актер очаровывает режиссера и зрителя (но зрителя — это, правда, не опасно!), то именно этот облик западает в память, в воображение. И хочется его повторить. Ведь кино — не всегда искусство, кино — во многом и конвейер, нельзя от всех фильмов требовать искусства, требовать шедевра. Так вот, я продолжаю, — этот именно актер запал режиссеру в душу. Ведь почти все наши актеры работают не

апроче, не только подарок. Иногда она создает и свои сложности — как раз того рода, о которых мы здесь говорили: за тобой начинается тянуться шлейф этой роли, тебя видят только в ней, только такую.

После Аглаи так произошло и со мной. Так вот, пригласили меня на «Ленфильм», очень интересный сценарий о детях, больных костным туберкулезом. А я должна была играть директора интерната. Она приятна с виду, интеллигентная, обходительная, но от нее прямо дрожь берет — одним словом, опять Аглая. И я отказываюсь. Ведь все зависит от того, что бы я нашла, за что зацепиться, от чего оттолкнуться, а здесь — не вижу. Не вижу нового для себя. Если бы я Аглаю не сыграла, то, конечно, согласилась бы. Кажется, я очень обидела режиссера, но ничего поделать не могла.

— Вия Фрицевна, что вас больше всего в кино сейчас тревожит?

— Низкий профессионализм. И прежде всего ось шатается — сценарий. За него берутся люди, не являющиеся профессионалами. Я иногда думаю, почему иной западный фильм, в котором нет ничего особенного, всегда так крепко сработан? Сценарий пишут обычно два-три, а то и больше людей, но каждый — мастер в своей области: один разрабатывает идею, сюжет, другой — диалоги... Абсолютно непрофессионально, когда у режиссера нет творческого замысла, цели — как тогда актер может стать его единомышленником?

...Вообще, вы знаете, что-то странное происходит в нашей жизни. Вот я недавно смотрела фильм Ивара Селецкиса «Улица Поперечная» — о старом городе, о старых улицах, старых домах, старых людях. А потом по телевизору вдруг показывают конкурс «Мисс Очарование». Боже мой, и это в то время, как старые люди в приютах не могут порой помыться, да и не хватает этих приютов, школьные столовые в ужасном состоянии, извините меня, безобразны школьные туалеты. Казалось бы, какое мое дело? Но это мое дело — жизнь, я актриса. Картина Селецкиса — это замечательная картина, в ней дух, вера в человека, хотя все так убого, страшно. А это «Очарование» убивает во мне веру, что будет когда-нибудь лучше...

Наше документальное кино лучше игрового. И вот я невольно думаю, а если сейчас студии получают самостоятельность и выход на мировой экран, кто будет покупать наши рижские фильмы? Вроде латышские фильмы неплохо идут в прокате, но ведь это — «вроде».

Знаете, если думать об этом и продолжать сравнивать с западным кино, то я сказала бы так: у нас даже хороший фильм кажется жалким, а у них даже плохой кажется хорошим.

...Да, я часто задумываюсь о нас, о нашем искусстве. О наших актерских судьбах. Знаете, мне иногда звонит Татьяна Самойлова, обещает приехать, рассказывает о своей жизни. У нас странное, скорей зочное знакомство. Я думаю — какая драматическая судьба! Была такая слава, я даже не знаю, обладал ли такой популярностью на мировом экране хоть один наш актер. Когда Самойлова получила Пальмовую ветвь в Канне, у нее были немислимые возможности. Но работать на Западе ей не дали. А здесь — тоже не снимали, у нее был «нерусский» тип. Я потому об этом вспомнила, что недавно получила письмо от нее. И потому, что судьба ее, как бы ни была исключительна, слишком типична.

Как сделать так, чтобы актеры были нужны, чтобы о них помнили, чтобы они работали? Я не знаю, но кто-то же должен знать...

Беседу вела
В. ИВАНОВА.